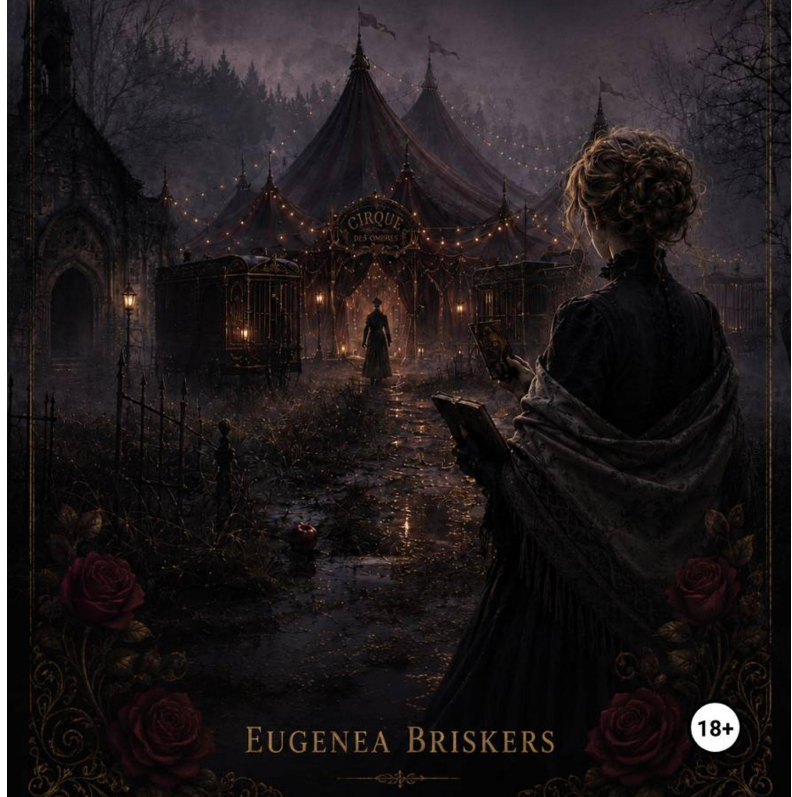

ЦИРК ТЕНЕЙ

ПОСЛЕДНИЙ БИЛЕТ
МИСС БЛЭКВУД

EUGENEA BRISKERS

18+

Eugenea Briskers

Цирк теней. Последний билет мисс Блэквуд

<https://litres.ru/74231142>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1881 году Элеонора Блэквуд вышла из шатра Цирка теней – и исчезла навсегда. Семья назвала это похищением. Город – проклятием. А те, кто был рядом, слишком быстро начали путаться в показаниях, будто кто-то вырезал из их памяти живую часть.

Двадцать лет спустя цирк возвращается в Редмарш. Амелия Блэквуд, племянница пропавшей, не верит в легенды. Она – корреспондент, привыкшая искать правду в документах. Но чем глубже она копает, тем яснее: её семья лгала не меньше, чем цирк. Почему люди помнят тот вечер по-разному? И почему Кассиан Вейл, золотой Арлекин, выглядит так, будто время обходит его стороной?

Что, если Элеонора не была жертвой? Что, если ей просто открыли дверь – и она сама выбрала не возвращаться? Теперь та же дверь открывается перед Амелией. Ей предлагают билет, который нельзя купить. Выбор изменит не только её жизнь, но и судьбу города.

Готическая мистерия о памяти, запретном притяжении и цене правды.

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Eugenea Briskers

Цирк теней. Последний билет мисс Блэквуд

Пролог

Осенью 1881 года Редмарш впервые заговорил о цирке.

Позже жители будут спорить, когда именно это случилось. Одни станут уверять, что шатры появились на рассвете, когда туман ещё лежал в низинах, словно молоко, разлитое по почерневшей от дождей земле. Другие будут клясться, что видели первые огни ещё ночью: слабые, золотистые, неестественно ровные и слишком живые для фонарей.

Но все они сойдутся в одном: вечером за старой часовней не было ничего, кроме пустого поля, мокрой травы и леса, стоявшего так близко к городу, будто он прислушивался к человеческим домам.

А утром там раскинулся Цирк теней.

Никто в Редмарше не знал, кто разрешил цирку встать у часовни. Мэр уверял, что никаких бумаг не подписывал. Приходской священник говорил, что видел поле пустым после вечерней службы. Констебль пытался расспросить рабочих, но не нашёл ни одного человека, который признался бы,

что ставил шатры.

И всё же к полудню у ворот уже толпились дети, лавочники, служанки и молодые женщины в лучших платьях, представшие любопытство за веерами и притворным смехом.

Элеонора Блэквуд приехала ближе к вечеру. Ей было девятнадцать, и в Редмарше многие считали её самой красивой девушкой во всём графстве. Светлые волосы уложены по последней лондонской моде, высокий воротник тёмно-синего платья подчёркивал тонкую шею, а холодные голубые глаза смотрели на мир с тем спокойным превосходством, которое прощают только юности, красоте и богатству.

Она смеялась над страхами подруг, пока экипаж катился по мокрой дороге к часовне, и уверяла, что провинциальные слухи всегда страшнее настоящих событий. Но смех её стих, едва она увидела коня.

Вороной жеребец стоял у самых ворот, чуть в стороне от толпы. На нём не было всадника. Чёрная шерсть почти сливалась с вечерним туманом, зато серебряные пряжки на уздечке мерцали так отчётливо, будто в них отражалась луна, которой ещё не было на небе. Конь повернул голову в сторону Элеоноры, и девушке показалось, что он смотрит прямо на неё — не как животное, а как существо, способное узнавать людей по тайнам, которые они ещё сами от себя прячут.

— Какой красавец, — прошептала одна из подруг.

— НоктюРН, — сказал чей-то голос рядом.

Элеонора обернулась. Возле афиши стояла девушка в

светлом сценическом костюме, непозволительно лёгком для октябрьского холода: плотно облегающее трико цвета старой слоновой кости, короткий атласный лиф, потускневшие серебряные блёстки и узкие ленты у запястий, которые издали казались паутиной, а вблизи выдавали штопку и тёмные следы канифоли. Её волосы были убраны высоко, открывая бледное лицо, а глаза оказались разными: один изумрудно-зелёный, другой ледяной, почти голубой. Девушка держала в руке красное яблоко и улыбалась так, будто знала все вопросы, которые Элеонора ещё не успела задать.

— Это его имя? — спросила Элеонора, сама не понимая, почему говорит тише обычного.

— Одно из них, — ответила девушка.

Потом она сделала шаг назад, легко, почти танцевально, и напела несколько строк:

Раз — за лесом вспыхнул свет, Два — дороги большие нет, Три — шатёр встаёт в тумане, Кто войдёт — назад не глянет.

— Что это? — спросила Элеонора, нахмурившись.

— Песенка для тех, кто умеет слушать.

Подруги позвали Элеонору к кассе, и девушка на мгновение отвлеклась. Когда она вновь посмотрела туда, где стояла странная гимнастка, той уже не было. Только яблоко лежало у края афиши — красное, неправдоподобно яркое на мокрой траве.

В тот вечер представление началось ровно в восемь.

Редмарш не видел ничего подобного. Под куполом летали акробаты, будто сила тяжести была для них лишь дурной привычкой земли. Женщина с лентами кружилась на арене в алом костюме из выцветшего бархата и газа; полосы ткани обвивали её так, что казались то крыльями, то языками пламени. Певица в белом пела без оркестра, и музыка поднималась откуда-то снизу, из-под досок, из-под земли, из самой темноты.

А когда на арену вывели Ноктюрна, в шатре стало так тихо, что Элеонора слышала собственное дыхание.

Потом появился он.

Мастер церемоний вышел из тени между двух занавесей. На нём был чёрно-золотой костюм Арлекина, строгий и изысканный. Пшенично-золотые волосы зачёсаны назад, лицо молодое, почти прекрасное, но в его спокойной улыбке было что-то от старых портретов, написанных людьми, которые знали: красота способна пережить совесть.

— Дамы и господа, — произнёс он, и голос его легко прошёл под куполом, не становясь громче. — Сегодня вечером Цирк теней рад приветствовать Редмарш. Город, который так долго ждал нас, даже если не знал об этом.

Элеонора почувствовала, как улыбка медленно исчезает с её лица.

Он говорил со всеми, но смотрел на неё.

Так продолжалось всё представление. Арлекин объявлял номера, склонялся к публике, принимал цветы, шутил с

детьми у первого ряда, но каждый раз, когда Элеонора убеждала себя, что всё это ей мерещится, она поднимала взгляд и встречала его глаза. В них не было ни удивления, ни праздного интереса. Скорее узнавание. Так смотрят на человека, чьё имя уже написано в письме, которое ещё не вскрыли.

После финального поклона толпа поднялась с мест — шумная, разгорячённая, счастливая. Подруги Элеоноры обсуждали костюмы, спорили, действительно ли канатоходка прошла под куполом без страховки, и смеялись над старухой, которая перекрестилась у выхода. Элеонора почти не слышала их.

У бокового прохода стоял Арлекин.

Он не звал её. Не делал жеста. Просто ждал.

— Элеонора? — Одна из подруг коснулась её руки. — Ты побледнела.

— Мне нужен воздух, — сказала девушка.

Это была последняя фраза, которую её подруги потом смогли вспомнить дословно.

Элеонора вышла из шатра в туман. Музыка за её спиной стала тише, но не исчезла. Она шла между фургонами, мимо закрытых клеток, мимо гирлянд, мимо Ноктюрна, который стоял у дороги неподвижно, как вырезанный из ночи.

У старой часовни её догнал голос:

— Мисс Блэквуд.

Она остановилась.

Кассиан Вейл — так он называл себя, хотя Редмарш узнал

это имя лишь двадцать лет спустя — стоял в нескольких шагах от неё. Без публики, без света арены, без музыки он казался ещё менее настоящим: красивым не к месту на мокром поле, слишком спокойным для незнакомца и слишком печальным для человека, который только что сорвал оvation.

— Вы знаете моё имя, — сказала Элеонора.

— Здесь редко появляются те, чьих имён мы не знаем.

— Странный ответ.

— Правдивый.

Она должна была вернуться. Позвать подруг, кучера, кого угодно. Должна была рассмеяться, как смеялась весь день, и решить, что у цирковых артистов просто дурная привычка говорить загадками.

Но за спиной снова прозвучала песенка, тонкая, почти детская, и туман у часовни шевельнулся, открывая узкую тропу между шатрами.

На четвёртый гаснет дом, На пятый — имя под замком...

— Что находится там? — спросила Элеонора.

Кассиан посмотрел на неё так внимательно, что холод пробежал по её рукам даже сквозь перчатки.

— То, чего вы всю жизнь боялись хотеть.

Элеонора молчала несколько секунд. Потом медленно сняла одну перчатку и сжала её в руке.

— А если я не пойду?

— Тогда вернётесь домой, — ответил он. — Выйдете за-

муж за человека, которого выберут за вас. Будете улыбаться за столом, принимать гостей, рожать наследников и каждую осень просыпаться от мысли, что однажды почти слышали собственную жизнь, но сделали вид, будто это была музыка из чужого шатра.

За такие слова следовало бы дать пощёчину.

Элеонора почему-то не двинулась.

— А если пойду?

Кассиан не улыбнулся.

— Тогда назад вы вернётесь не той, кем были.

Позже жители Редмарша будут говорить, что её похитили. Что Арлекин околдовал девушку. Что цирк забрал самую красивую Блэквуд, потому что такие истории легче рассказывать у камина, когда страшно признаться: иногда человек уходит не потому, что его схватили за руку. Иногда ему просто открывают ворота.

Утром на мокрой траве возле старой часовни нашли одну светлую перчатку. У запястья всё ещё держалась тонкая жемчужная пуговица. Элеонора Блэквуд в Редмарш больше не вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.